



УДК 343.131
ББК 67.410.2

ИНТЕРПРЕТАЦИОННО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ¹

Марина Александровна Баранова

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Саратовская государственная юридическая академия
marina2008-78@mail.ru
ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация

Ваган Леонович Григорян

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Саратовская государственная юридическая академия
vagan1384@mail.ru
ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация

Анастасия Анатольевна Головина

Магистрант кафедры уголовного процесса,
Саратовская государственная юридическая академия
ngolovina35@gmail.com
ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу решений Конституционного суда РФ, проведенному с целью выявления их прецедентного характера. Доказывается, что в уголовном судопроизводстве прецедентное значение имеют постановления Конституционного суда РФ о признании отдельных статей УПК РФ неконституционными, поскольку в них формулируются новые правовые положения, изменяющие порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности. По сравнению с нормами, содержащимися в законе, указанные правовые положения иначе регулируют уголовно-процессуальные отношения, не случайно законодатель по истечении определенного периода времени учитывает изложенные в таких решениях правовые позиции и вносит в УПК РФ соответствующие изменения и дополнения. Авторы полагают, что данное обстоятельство выступает еще одним аргументом в пользу утверждения об отнесении подобных решений к судебным прецедентам. Завершается статья обоснованным выводом о необходимости признания соответствующих решений источниками уголовно-процессуального права и определения пределов их действия на законодательном уровне.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебный прецедент, решения Конституционного суда РФ, интерпретационный акт, новые правила поведения, оспариваемые нормы права.

нормативного акта (закона) основным источником права. Судебный прецедент, в наибольшей степени регулирующий общественные отношения в государствах англосаксонского типа (Великобритания, США, Австралия и др.), до настоящего времени официально не воспринимается отечественной юриспруденцией в качестве источника права, в том числе и уголовно-процессуального, поскольку его использование идет вразрез с некоторыми положениями Конституции РФ и не согласуется с отдельными принципами уголовного судопроизводства.

Прежде всего существование прецедентного права в России противоречит принципу разделения властей, провозглашающему самостоятельность законодательных, исполнительных и судебных органов (ст. 10 Конституции РФ). Суд должен выполнять только присущие ему функции – осуществления правосудия, правозащитную, судебного контроля, толкования права, правосстановительную, превентивную [1, с. 140], но не нормотворчества, которая «превращает» его в «квазипарламент». Обнаруживая пробелы в праве, высшие суды (Конституционный суд РФ и Верховный суд РФ) могут сами не создавать новые нормы, а воспользоваться предоставленным им ст. 104 Конституции РФ правом законодательной инициативы. Кроме того, использование прецедента блокирует возможность полноценной реализации принципа независимости судей, так как последние подчиняются лишь Конституции РФ и федеральному закону (ст. 120 Конституции РФ, ст. 8.1 УПК РФ). Хотя указанный принцип в действительности правоприменители трактуют расширительно, подразумевая подчинение судей не только законам, но и подзаконным актам, вряд ли уместно распространять его на прецедент. И, наконец, неукоснительное следование прецеденту ограничивает действие принципа свободы оценки доказательств, в соответствии с которым судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Между тем процессы глобализации и унификации норм, а также несовершенство

действующего законодательства способствуют внедрению в отечественное уголовное судопроизводство практики использования судебного прецедента. Несмотря на то что доктрина судебного нормотворчества пока еще не получила однозначного понимания и утверждения в российской правовой науке, фактически прецедент находит свое применение при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Для того чтобы убедиться в этом, необходимо проанализировать решения Конституционного суда РФ, многие из которых, обладая свойствами судебного прецедента, играют важную роль в регулировании уголовно-процессуальных отношений.

Итак, судебным прецедентом в уголовном судопроизводстве является правоположение, сформулированное в рамках определенной юридической процедуры и опубликованное в официальном издании, на котором основывается решение высшего органа судебной власти в соответствии с установленными фактами и которому обязаны следовать нижестоящие суды при рассмотрении аналогичных уголовных дел. Резюмируя, можно выделить следующие характерные черты прецедента:

- формулируется в рамках определенной юридической процедуры, в том числе надлежащим образом оформляется;
- публикуется в официальных изданиях, что выступает в качестве обязательного условия признания юридического документа источником права;
- устанавливается не всеми органами судебной власти, а только высшими по конкретному уголовному делу;
- обладает общеобязательной юридической силой, то есть его применение в будущем обязательно для нижестоящих судов при рассмотрении аналогичных уголовных дел;
- является результатом правотворческой деятельности судов – содержит правоположения (новые нормы);
- находится в подчиненном по отношению к закону положении, так как после принятия закона он прекращает свое действие [3, с. 32].

Большинство из названных признаков не связано с проникновением в существо выносимых Конституционным судом РФ решений, что свойственно практически каждому из них. Пожалуй, единственным критерием, характе-

ризующим содержательную сторону того или иного решения Конституционного суда РФ и позволяющим установить его принадлежность к судебным прецедентам, является наличие в нем правоположения, констатирующего создание новой нормы в противовес той, которая закреплена в законе. Такие правоположения, на наш взгляд, содержатся в постановлениях Конституционного суда РФ, где определенные статьи УПК РФ признаются неконституционными. Обоснуем высказанную точку зрения конкретными примерами.

Часть 6 ст. 234 УПК РФ в редакции от 29 мая 2002 г. [10] содержала норму, согласно которой ходатайство стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого подлежало удовлетворению на предварительном слушании лишь в случаях, если оно заявлялось в ходе предварительного расследования и было отклонено дознавателем, следователем или прокурором либо если о наличии такого свидетеля становилось известно после окончания предварительного расследования. Конституционный суд РФ в Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П признал данное положение закона неконституционным, указав, что оно ограничивает обвиняемого в возможности отстаивать в ходе судебного разбирательства свою позицию по уголовному делу, чем нарушает его конституционное право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, в том числе в суде. Понуждая обвиняемого ходатайствовать о вызове свидетеля для подтверждения алиби в период предварительного расследования, то есть, по существу, к отказу от гарантированного Конституцией РФ права не доказывать свою невиновность, названная норма фактически вводит процессуальную санкцию за использование этого конституционного права [4]. Впоследствии анализируемое положение было исключено из текста УПК РФ Федеральным законом от 3 июня 2006 г. № 72-ФЗ [11].

С момента принятия Конституционным судом РФ вышеуказанного постановления и до внесения в закон соответствующих изменений ходатайства стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого удовлетворялись вне зависимости от соблюдения условий, закрепленных в ч. 6 ст. 234

УПК РФ. Ограничения, связанные с необходимостью заявления подобного ходатайства на предварительном расследовании (при обязательном его отклонении дознавателем, следователем или прокурором) либо с требованием о получении информации о таком свидетеле после завершения досудебного этапа уголовного судопроизводства, перестали применяться и никак не влияли на положительное решение вопроса о допросе свидетеля для установления алиби подсудимого. Уголовно-процессуальные отношения, возникавшие при обсуждении ходатайства стороны защиты о допросе свидетеля для подтверждения алиби подсудимого, в период с 2004 по 2006 г. регулировались правилом поведения, отличным от того, которое содержалось в ч. 6 ст. 234 УПК РФ. Таким образом, Конституционным судом РФ в описанной ситуации фактически была создана новая норма права.

Другим примером создания правовых норм органом конституционного контроля служит положение, обозначенное в Постановлении Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П, согласно которому ч. 1 ст. 237 УПК РФ, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 Кодекса, исключающей в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствует самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления [5].

Закономерным итогом представленных рассуждений стала констатация несоответствия ч. 1 ст. 237 УПК РФ ряду статей Конституции РФ. Вышеизложенная правовая позиция Конституционного суда РФ, обосновывающая неконституционный характер рассматриваемой нормы, с момента вынесения упомянутого Постановления расценивалась

как новое основание для возвращения судом уголовного дела прокурору, которое позднее нашло отражение в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, введенном в действие Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ [9].

Нелишним будет отметить, что ввиду издания законов о внесении необходимых изменений и дополнений в УПК РФ оба проанализированных нами постановления в настоящее время утратили свою актуальность. То же самое относится и ко многим другим решениям Конституционного суда РФ, признающим определенные статьи уголовно-процессуального закона неконституционными. Как ни парадоксально, указанное обстоятельство выступает дополнительным аргументом в пользу утверждения об их отнесении к судебным прецедентам, которые прекращают действовать именно после принятия соответствующих законов.

Вместе с тем существуют решения, которые, несмотря на то что они были приняты Конституционным судом РФ достаточно давно, и по сегодняшний день остаются без должной реакции законодателя, сохраняя свое прецедентное значение и непосредственно регулируя уголовно-процессуальные правоотношения. Одним из них является Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П. В нем взаимосвязанные положения п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ, закрепляющие в качестве основания прекращения уголовного дела смерть подозреваемого (обвиняемого), за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, признаются не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они допускают возможность прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников [6].

При этом Конституционный суд РФ, излагая собственную позицию, в императивной форме требует при наличии основания для прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) учитывать мнение близких родственников умершего. То есть устанавливается процедура, не регламентированная УПК РФ, но в обязательном порядке используемая при возникновении аналогичных ситуаций, – получение письменного

согласия близких родственников подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела в связи с его смертью. Выраженное в письменной форме согласие близких родственников умершего представляет собой необходимое условие прекращения уголовного дела по такому основанию. Более того, в случае продолжения предварительного расследования либо судебного разбирательства при наличии возражения со стороны близких родственников подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного дела в связи с его смертью орган конституционного контроля призывает наделить их правами, которыми должен был обладать подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), подобно тому, как это установлено ч. 8 ст. 42 УПК РФ применительно к умершим потерпевшим. Настоящие правила отсутствуют в уголовно-процессуальном законе, нормативное значение им придано Конституционным судом РФ.

Конструктивный анализ вышеупомянутых постановлений свидетельствует об их прецедентном характере, ведь констатация неконституционности отдельных статей УПК РФ автоматически влечет создание противоположений, не предусмотренных законом. Не случайно многие ученые, именуя Конституционный суд РФ при вынесении таких решений «негативным законодателем», в то же время справедливо относят данные решения к актам позитивного нормотворчества [8, с. 78]. Прекращение действия норм УПК РФ в связи с их фактической отменой порождает появление новых норм, изменяющих порядок уголовного судопроизводства. Указанные правовые положения (нормы, правила) впервые находят отражение в интерпретационной (описательно-мотивировочной) части постановлений Конституционного суда РФ и долгое время применяются независимо от внесения в УПК РФ изменений и дополнений. Интерпретация здесь выступает средством обоснования неконституционности определенных статей уголовно-процессуального закона и соответственно воспроизводит новые правила поведения, которыми должны регулироваться общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства. Законодателю в данном случае отводится техническая роль, заключающаяся в редакционно-литературном офор-

млении уже существующих норм права. Такое оформление происходит двумя способами. Первым способом является исключение неконституционных положений из УПК РФ, в результате которого снимаются запреты (ограничения) и устанавливается разрешение на осуществление соответствующих действий, а вторым – придание юридической силы правилам путем их формулирования в законе.

Совсем иное значение интерпретационная часть приобретает в решениях Конституционного суда РФ, где дается исключительно толкование положений уголовно-процессуального закона. Речь идет о постановлениях и определениях, в которых выявляется конституционно-правовой смысл норм, содержащихся в УПК РФ. В них оспариваемые нормы признаются соответствующими Конституции РФ, а потому новые правовые положения, как правило, не формулируются. Так, Постановлением Конституционного суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П разъясняется, что свойством преюдициальности в уголовном судопроизводстве обладают только вступившие в законную силу судебные акты, которыми гражданское дело разрешается по существу и определяются пределы действия межотраслевой преюдиции [7]. Легитимность ст. 90 УПК РФ при этом не подвергается сомнению, орган конституционного контроля лишь ориентирует правоприменительную практику на то, каким образом при возникновении аналогичных ситуаций нужно истолковывать законодательные положения. Полагаем, что такие решения следует относить к интерпретационным актам (актам толкования), а не к прецедентам. Хотя зачастую Конституционный суд РФ, признавая отдельные статьи уголовно-процессуального закона не противоречащими Конституции РФ, настолько широко их трактует, что позволяет усмотреть характерные черты судебного прецедента в интерпретационных решениях подобного рода.

В частности, Определением Конституционного суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О устанавливается, что п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не исключает право адвоката давать соответствующие показания в случаях, когда он сам и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. То же самое правило Конституционный суд РФ распространя-

ет и на других лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 56 Кодекса. Разъясняется, что невозможность допроса указанных лиц при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьи права и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, приведет к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажению существа данного права [2]. А между тем в анализируемой статье уголовно-процессуального закона содержится безусловный запрет на допрос большинства из обозначенных там лиц. Исключение составляют лишь члены Совета Федерации РФ и депутаты Государственной Думы РФ, для которых закреплено право свидетельского иммунитета относительно обстоятельств, ставших им известными в связи с осуществлением своих полномочий. Получается, что орган конституционного контроля, выявляя смысл оспариваемой нормы, толкует ее расширительно, в связи с чем снимается наложенный УПК РФ запрет на допрос определенных лиц в качестве свидетелей и фактически создается новое правило поведения, не установленное законом. С целью приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с изложенной правовой позицией Конституционного суда РФ считаем необходимым дополнить ст. 56 УПК РФ ч. 3.1, включив в нее перечень лиц, обладающих правом свидетельского иммунитета, к которым помимо близких родственников отнести членов Совета Федерации РФ и депутатов Государственной Думы РФ, адвокатов, защитников подозреваемого, обвиняемого и других лиц, поименованных в Определении от 6 марта 2003 г. № 108-О. В ч. 3 ст. 56 УПК РФ следует оставить лишь указание на лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей ни при каких условиях.

Обобщая высказанные нами суждения, резонно заключить, что интеграция государства в мировое сообщество и дефекты отечественного законодательства (пробелы, противоречия и неясности) служат объективными предпосылками для распространения идеи судебного нормотворчества, итогом которого становится формирование не собственного российской правовой действительности источника – судебного прецедента. В уголовном судопроизводстве прецедент-

ным характером обладают постановления Конституционного Суда РФ, в которых определенные статьи УПК РФ в той или иной мере признаются неконституционными. Изложенное мнение подтверждается и реакцией законодателя, учитывающего в большинстве таких случаев правовые позиции Конституционного суда РФ и приводящего неконституционные положения Кодекса в соответствие с ними. Другие решения органа конституционного контроля (постановления и определения), где разъясняется смысл норм уголовно-процессуального законодательства под углом зрения их надлежащего применения в практической деятельности, являются преимущественно интерпретационными актами. Но если при выявлении конституционно-правового смысла оспариваемых норм в них формулируются новые правила поведения, направленные на регулирование уголовно-процессуальных отношений, они приобретают прецедентный характер. Следовательно, возникает необходимость законодательного признания указанных решений Конституционного суда РФ источниками уголовно-процессуального права и определения пределов их действия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-03-01253 «Преюдициально-прецедентная сила судебных решений по уголовным делам».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морозова, Л. А. Теория государства и права / Л. А. Морозова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 464 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О // Российская газета. – 2003. – 27 мая (№ 99).
3. Поляков, С. Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? / С. Б. Поляков // *Lex russica*. – 2015. – № 3. – С. 28–42.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Российская газета. – 2004. – 7 июля (№ 143).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Российская газета. – 2013. – 12 июля (№ 151).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П // Российская газета. – 2011. – 29 июля (№ 165).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Российская газета. – 2012. – 11 янв. (№ 2).
8. Уголовно-процессуальное право. Актуальные вопросы теории и практики / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. – М. : Юрайт, 2012. – 476 с.
9. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ // Российская газета. – 2014. – 25 июля (№ 166).
10. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 1 июня (№ 98).
11. Федеральный закон «О признании утратившей силу части шестой статьи 234 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 3 июня 2006 г. № 72-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 8 июня (№ 121).

REFERENCES

1. Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Norma Publ.; Infra-M Publ., 2014. 464 p.
2. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 6 marta 2003 № 108-O [The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 6, 2003 no. 108-O]. *Rossiyskaya gazeta*, 2003, May 27, no. 99.
3. Polyakov S.B. *Sudebnyy pretsedent v Rossii: forma prava ili proizvola?* [Judicial Precedent in Russia: Form of Right or Outrage?]. *Lex russica*, 2015, no. 3, pp. 28–42.
4. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29 iyunya 2004 № 13-P [The Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004 no. 13-P]. *Rossiyskaya gazeta*, 2004, July 7, no. 143.
5. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 iyulya 2013 № 16-P [The Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2013 no. 16-P]. *Rossiyskaya gazeta*, 2013, July 12, no. 151.
6. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 iyulya 2011 № 16-P [The Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2011 no. 16-P]. *Rossiyskaya gazeta*, 2011, July 29, no. 165.
7. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21 dekabrya 2011 № 30-P [The Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of

December 21, 2011 no. 30-P]. *Rossiyskaya gazeta*, 2012, Jan. 11, no. 2.

8. Lazareva V.A., Tarasov A.A., eds. *Ugolovno-protsessualnoe pravo. Aktualnye voprosy teorii i praktiki* [Criminal Procedure Law. Modern Issues of Theory and Practice]. Moscow, Yurayt Publ., 2012. 476 p.

9. Federalnyy zakon "O vnesenii izmeneniy v statyi 236 i 237 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" ot 21 iyulya 2014 № 269-FZ [Federal Law "On Introducing Amendments to Clauses 236 and 237 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure" of July 21, 2014 no. 269-FL]. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, July 25, no. 166.

10. Federalnyy zakon "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 29 maya 2002 № 58-FZ [Federal Law "On Introducing Additions and Amendments to the Russian Federation Code of Criminal Procedure" of May 29, 2002 no. 58-FL]. *Rossiyskaya gazeta*, 2002, June 1, no. 98.

11. Federalnyy zakon "O priznanii utrativshey silu chasti shestoy statyi 234 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" ot 3 iyunya 2006 № 72-FZ [Federal Law "On Annuling Part 6 of Clause 234 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure" of June 3, 2006 no. 72-FL]. *Rossiyskaya gazeta*, 2006, June 8, no. 121.

INTERPRETIVE AND PRECEDENTIAL NATURE OF DECISIONS OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT IN CRIMINAL PROCEDURE

Marina Aleksandrovna Baranova

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure,
Saratov State Law Academy
marina2008-78@mail.ru
Volskaya St., 1, 410056 Saratov, Russian Federation

Vagan Levonovich Grigoryan

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure,
Saratov State Law Academy
vagan1384@mail.ru
Volskaya St., 1, 410056 Saratov, Russian Federation

Anastasiya Anatolyevna Golovina

Master Student, Department of Criminal Procedure,
Saratov State Law Academy
ngolovina35@gmail.com
Volskaya St., 1, 410056 Saratov, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the Russian Federation Constitutional Court judgments in order to demonstrate their precedential nature. The article proves that the Russian Federation Constitutional Court judgments have precedential value for the criminal justice system, such judgments invalidating individual Clauses of the Russian Federation Code of Criminal Procedure, as they form new legal regulations changing standard criminal law and procedure. Compared to the standards stipulated by law, such legal regulations govern relations in criminal law and procedure. Typically, after a definite period of time a legislator considers legal proposition presented in the judgments and makes appropriate amendments and additions to the Russian Federation Code of Criminal Procedure. The authors of the article believe that this fact is a further argument for accepting such decisions as judicial precedent. As for other judgments (decisions and orders) made by the body for constitutional supervision, they advise of the

meaning of provisions of the criminal law and procedure; thus, they are interpretive acts mainly. However, as often as not the Russian Federation Code of Criminal Procedure construe the impugned provision so broadly, that such acts acquire certain features of a precedent. The article concludes that judgments in question shall be accepted and legislated as a source of criminal law and procedure and scope of validity of the same shall be defined.

Key words: criminal justice, judicial precedent, the Russian Federation Constitutional Court judgments, interpretive act, new rules of conduct, impugned legal provisions.